

УДК 94(495+560)"1821/1832":[327(47:56)+355.01+930.1(495)]

Стоянович М.¹

**БОРЬБА ГРЕЧЕСКОГО НАРОДА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ (1821-1832):
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТЕКСТ, ВОЕННЫЕ АСПЕКТЫ И
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Тульский государственный университет

Stojanovic Milan

**THE STRUGGLE OF THE GREEK PEOPLE FOR INDEPENDENCE (1821–1832): THE
INTERNATIONAL CONTEXT, MILITARY ASPECTS, AND HISTORIOGRAPHICAL
INTERPRETATIONS**

Tula State University

Аннотация: В статье предпринят всесторонний анализ Греческой войны за независимость (1821–1832) как сложного исторического феномена, рассматриваемого в широком контексте международных отношений, военно-экономических трансформаций, культурных и идеологических сдвигов, а также различных историографических парадигм. На основе широкого круга источников, включая фундаментальный труд Спиридона Трикуписа, новейшие исследования О. Озавчи, Л. Герд, Н. Писсиса, Д. Папастаматиу, П. Киприаноса и других, автор исследует причины, ход и последствия греческого восстания против Османской империи. Особое внимание уделяется восприятию революции османскими элитами («имперский взгляд»), роли России в оказании гуманитарной помощи греческим беженцам, экономике войны в Центральной Македонии, морским операциям (брандеры Псары), дипломатическим маневрам великих держав, приведшим к Наваринскому сражению и Адрианопольскому миру, а также эволюции общественного восприятия события в греческой академической и школьной истории. В статье демонстрируется, что Греческая революция представляла собой не только национально-освободительное движение, но и важнейший элемент европейской политики, повлиявший на оформление «Восточного вопроса», трансформацию Священного союза и формирование нового международного порядка в XIX веке.

Ключевые слова: Греческая война за независимость, Греция, Османская империя, Турция, филэллизм, Российская империя, Россия, Балканы, Священный союз, Наваринское сражение, Иоанн Каподистрия, Восточный вопрос, историография, национальная идентичность, экономика войны, брандеры.

¹ Стоянович Милан – старший преподаватель кафедры «История государства и права» института права и управления ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет». e-mail: legendanish@yandex.com

Abstract: The article undertakes a comprehensive analysis of the Greek War of Independence (1821–1832) as a complex historical phenomenon examined in the broad context of international relations, military-economic transformations, cultural and ideological shifts, as well as various historiographical paradigms. Drawing on a wide range of sources, including the fundamental work of Spyridon Trikoupis, recent studies by O. Ozavci, L. Gerd, N. Pissis, D. Papastamatiou, P. Kiprianos and others, the author explores the causes, course and consequences of the Greek uprising against the Ottoman Empire. Special attention is paid to the perception of the revolution by Ottoman elites (the “imperial gaze”), Russia’s role in providing humanitarian aid to Greek refugees, the war economy in Central Macedonia, naval operations (Psara fireships), the diplomatic manoeuvres of the Great Powers leading to the Battle of Navarino and the Treaty of Adrianople, as well as the evolution of public perception of the event in Greek academic and school history. The article demonstrates that the Greek Revolution represented not only a national liberation movement but also a crucial element of European politics that influenced the formation of the “Eastern Question”, the transformation of the Holy Alliance and the emergence of a new international order in the 19th century.

Keywords: Greek War of Independence, Greece, Ottoman Empire, Turkey, Philhellenism, Russian Empire, Russia, Balkans, Holy Alliance, Battle of Navarino, Ioannis Kapodistrias, Eastern Question, historiography, national identity, war economy, fireships.

Введение

Греческая война за независимость (1821–1832) занимает центральное место не только в новогреческой, но и в общеевропейской истории XIX столетия. Это событие ознаменовало начало постепенного распада Османской империи и одновременно стало важнейшим этапом в формировании национальных государств на Балканах. (Стоянович, Балканы, 2025) Как справедливо отмечает Люсьен Фрари, «это был поворотный момент не только для греческой истории, но и для всей системы международных отношений в Европе» (Frary, 2022, p. 1). Восстание, вспыхнувшее в марте 1821 года под руководством тайного общества «Филики Этерия» (Дружественное общество), в течение девяти лет вело к созданию независимого греческого государства, что стало беспрецедентным случаем в истории XIX века, когда национальное движение увенчалось успехом вопреки противодействию крупнейших империй.

Современная историография предлагает многогранный взгляд на это событие, рассматривая его в различных аспектах: как национально-освободительное движение, как элемент европейской политики, как пример гуманитарной интервенции и как феномен

коллективной памяти. В последние десятилетия исследователи всё чаще обращаются к транснациональным и компаративистским подходам, стремясь преодолеть национальную ограниченность традиционных нарративов. В данной статье предпринимается попытка комплексного анализа Греческой революции с опорой на широкий круг источников и исследований, чтобы представить целостную картину этого исторического явления с учётом его международного, военно-экономического и историографического измерений.

Предпосылки и начало революции: османский имперский взгляд

Понимание Греческой революции невозможно без анализа восприятия этого события османскими элитами. Озан Озавчи в своём исследовании убедительно демонстрирует, что османские правители рассматривали греческое восстание прежде всего как результат русских интриг, что существенно повлияло на их реакцию и стратегию подавления (Ozavci, 2023, p. 2). Эту перцептивную ошибку, которую автор определяет как «имперский взгляд» (*imperial gaze*), можно проследить на протяжении всего периода 1820-х годов. Османские министры оказались неспособны воспринимать греческое движение как результат внутренних социальных и идеологических процессов, настаивая на внешнем происхождении угрозы.

Султан Махмуд II и его приближённые, включая влиятельного Халет-эфенди (казнённого в 1822 году), были убеждены, что за восстанием стоит Россия. Как свидетельствует письмо британского посла Роберта Листона от 25 апреля 1820 года, османское правительство было осведомлено о существовании заговора среди христианских подданных в Морее, Албании и соседних провинциях ещё за год до начала революции (Ozavci, 2023, p. 5). Однако вместо того, чтобы принять адекватные меры, османские элиты были парализованы недоверием к собственным подданным и убеждёностью во внешнем происхождении угрозы. Примечательно, что документы из частного архива Листона содержат прямые указания на то, что слухи о заговоре «достигли ушей правительства и вызвали степень тревоги» — это позволяет предположить, что султан и его министры знали о подготовке восстания, но не предприняли превентивных шагов.

Эта онтологическая незащищённость (*ontological insecurity*) османского государства, как называет её Озавчи, проявилась в крайне жестоких методах подавления восстания. 24 марта 1821 года султан отдал приказ убить всех греческих христиан в Стамбуле, и лишь вмешательство шейх-уль-ислама Хаджи Халил-эфенди предотвратило массовую резню (Ozavci, 2023, p. 6). Однако это не означало прекращения насилия. По всей империи прокатилась волна репрессий, кульминацией которых стала казнь патриарха Григория V в пасхальное воскресенье 1821 года. Патриарх был повешен на воротах патриархии, а его тело

три дня оставалось на виду, после чего было отдано евреям и проташено по улицам, а затем сброшено в море. Этот акт символического уничтожения главы греческой нации должен был, по замыслу султана, сломить волю восставших, однако, как показала дальнейшая история, он лишь усилил филэллинские настроения в Европе и укрепил решимость греков.

Фокион Котзагеоргис, анализируя материалы судебных регистров (шериятских сиджиллов) Салоник, показывает, как османская администрация на местах реагировала на революционные события. Уже в мае 1821 года был издан султанский указ (ферман) об аресте и казни участников заговора в Халкидики (Kotzageorgis, 2023, р. 1–2). Особого внимания заслуживает упоминание о «революционных документах» (*fitne-i amiz evrak*), обнаруженных у священника Ананияса, сына Маркопулоса. Согласно конфискованным бумагам, в подготовку восстания были вовлечены лица из разных регионов: Василикос из села Галаринос в Халкидики (с сыновьями Димитрисом и Стамосом), некий Дзамдзакос из рудников Сидирокавсия (Сидирекапси), другой Василикос со Святой Горы Афон, Иосиф из казы Тиквеш (ныне Северная Македония) и торговец из Салоник (Kotzageorgis, 2023, р. 2). Эта сеть показывает, что подготовка к восстанию не ограничивалась Пелопоннесом, но охватывала различные районы Македонии.

Османские власти не ограничивались репрессиями, но активно использовали религиозную риторику, объявляя борьбу с восставшими «делом веры» (*din gavgası*). В одном из ферманов подчёркивалось: «этот вопрос никоим образом не может сравниваться с другими делами, ибо это борьба за веру, и для мусульман сидеть бездейственно — грех» (Kotzageorgis, 2023, р. 3). Такая сакрализация конфликта способствовала радикализации борьбы и оправдывала крайнее насилие по отношению к христианскому населению.

Военные аспекты революции: экономика войны, сухопутные и морские операции

Важнейшим компонентом Греческой революции была организация военных действий. Димитриос Папастаматиу в своём исследовании экономики войны в Центральной Македонии (1821–1830) на основе османских судебных регистров демонстрирует колоссальное финансовое бремя, которое несли местные жители. Согласно его анализу, в период 1822–1830 годов османские власти ввели многочисленные чрезвычайные налоги (*авариз*, *нюзуль*) для финансирования военных операций, что в совокупности составило астрономические суммы (Papastamatiou, 2021, pp. 303–304). В частности, после подавления восстания в Халкидики османская администрация приступила к «бухгалтерской оценке военных расходов», что зафиксировано в регистрах кадия Салоник начиная с лета 1822 года.

Папастаматиу подробно описывает процесс регистрации военных расходов в дефтерах (регистрах) кадия Салоник. Например, в июне 1822 года был составлен реестр

расходов на общую сумму 2 303 412 грошей в одном варианте и 2 973 351 грошей — в другом (Papastamatiou, 2021, p. 312). Эти цифры наглядно демонстрируют, насколько разорительной для местного населения была война, особенно с учётом того, что сельская экономика региона была уже разрушена военными действиями. Показательно, что в 1821 году, в самый разгар восстания, не зафиксировано никаких записей о сборе налогов, что свидетельствует о полном параличе фискальной системы.

Особый интерес представляет анализ османской военной логистики. Папастаматиу показывает, что османские войска зависели от сети ханов (постоялых дворов) для обеспечения провиантом и фуражом. В одном из реестров упоминаются 267 записей о расходах на питание и содержание войск, причём основными статьями расходов были ячмень, мука, хлеб, масло, солома и бараны (Papastamatiou, 2021, p. 316). Османская армия также активно использовала ремесленные цеха Салоник для снабжения, что отражает сложные экономические отношения между военными и гражданским населением. В реестрах зафиксированы поставки тканей, кожи, верёвок, древесины, угля, металлов, пороха, свинца и других товаров, необходимых для армии. Примечательно, что основными поставщиками выступали мусульманские и еврейские ремесленники, тогда как христиан среди них было относительно немного — это указывает на сохранявшееся недоверие османских властей к греческому населению даже после подавления восстания.

Николас Писсис в своём исследовании острова Псара и морской войны показывает, что греческие морские силы играли критическую роль в ходе революции. Особенно эффективными были брандеры (пожарные корабли) — суда, наполненные горючими материалами, которые направлялись на османские корабли (Pissis, 2022, p. 2). Псара, небольшой остров в центре Эгейского моря, стал важным центром революционной активности, а его брандеры наводили ужас на османский флот. Писсис подчёркивает, что военно-морские операции греков имели глубокие корни в средиземноморской военной традиции, восходящей ещё к русско-османской войне 1768–1774 годов, когда балтийская эскадра графа Орлова действовала в Эгейском море. Греческие капитаны переняли и развили тактику брандеров, превратив её в грозное оружие против крупных османских линейных кораблей.

Разрушение Псара османско-египетскими войсками в 1824 году стало одной из самых трагических страниц революции. Согласно свидетельствам Спиридона Трикуписа, после высадки османских войск на острове и захвата города жители пытались бежать на корабли, но многие из них были обезглавлены, а их головы отправлены в Стамбул как трофеи (Trikoupis, 1860, p. 132–135). Однако выжившие псариоты продолжали борьбу,

присоединившись к греческому флоту и участвуя в последующих морских сражениях, что свидетельствует о высокой степени их самоотверженности и боевом духе.

Международное измерение: Россия, гуманитарная помощь и политика Священного союза

Российская империя занимала особое место в греческой революции. С одной стороны, официальная позиция Александра I была обусловлена принципами Священного союза, что предполагало непризнание революционных движений как угрозы легитимистскому порядку. С другой стороны, российское общество и значительная часть правящей элиты испытывали глубокие симпатии к единоверным грекам. Эта амбивалентность нашла отражение в дипломатических документах и мемуарах современников. Лора Герд в своём исследовании роли Константиноса Икономикоса убедительно демонстрирует сложность российско-греческих отношений в 1820-е годы (Gerd, 2022, p. 3).

Уже в июле 1821 года министр народного просвещения и духовных дел Александр Голицын объявил сбор пожертвований для греческих беженцев по всей Российской империи. Сам император пожертвовал 150 000 рублей, а императрица Мария Фёдоровна — 10 000 рублей (Gerd, 2022, p. 5). Всего было собрано значительные средства, которые распределялись через специальные комитеты в Одессе и Кишинёве. Герд подчёркивает, что эта гуманитарная акция имела не только практическое, но и символическое значение, демонстрируя солидарность православных народов. Сбор средств был организован через церковные приходы по всей империи, что придавало акции характер общенародного движения. В донесениях Голицына императору особо подчёркивалось, что пожертвования поступают «от всех сословий» — от высшей аристократии до крестьян.

Фигура Константиноса Икономикоса, выдающегося греческого богослова и филолога, оказавшегося в России после начала революции, является ключевой для понимания российско-греческих связей. Икономикос выполнял роль посредника между российскими властями, греческими купцами и беженцами. Его переписка с Голицыным, опубликованная Герд, раскрывает сложности, связанные с передачей средств для выкупа пленных греков (Gerd, 2022, pp. 12–13). Особенно интересны дискуссии о том, как переправить деньги в Грецию, минуя дипломатические осложнения. Икономикос предлагал использовать для этой цели греческих купцов в Триесте или Ливорно, а также рекомендовал передавать средства через греческую общину в Вене (Gerd, 2022, p. 10). Он также предлагал отправить часть средств непосредственно правительству Морей, которое лучше знало, как выкупать пленных.

Однако позиция министра иностранных дел России Карла Нессельроде, который настаивал на строгом соблюдении принципов Священного союза, препятствовала прямой финансовой поддержке греческих повстанцев. Как отмечает Герд, Нессельроде считал недопустимыми любые контакты с «инсургентами Мореи» и предостерегал, что отправка денег через частных лиц может быть злоупотреблена (Gerd, 2022, p. 10). В результате к июню 1823 года более 600 000 рублей, собранных на выкуп пленных, оставались в России и были размещены в коммерческом банке на неопределённый срок. Это отражает фундаментальное противоречие российской политики: гуманитарные порывы вступали в конфликт с геополитическими расчётами и принципами легитимизма.

Тем не менее, после смерти Александра I в декабре 1825 года и восшествия на престол Николая I российская политика стала более решительной. Николай, хотя и разделял многие консервативные взгляды своего брата, был более склонен к активным действиям на Балканах. Подписание Петербургского протокола 4 апреля 1826 года между Россией и Великобританией стало важным шагом к совместной интервенции великих держав в греческий конфликт (Ozavci, 2023, p. 10). Протокол предусматривал создание автономной Греции под османским суверенитетом, но при этом оставлял Россию активным участником процесса.

4. Филэллинское движение и его роль в мобилизации европейского общественного мнения

Одним из уникальных аспектов Греческой революции было широкое международное движение поддержки — филэллинизм. Интеллектуальные истоки филэллинизма лежали в европейском классицизме и романтизме, которые идеализировали Древнюю Грецию и видели в современных греках потомков древних героев. Как отмечают Киприанос и его коллеги, «Романтизм возвысил Древнюю Грецию до положения исключительной важности, восхваляя героизм, и способствовал росту филэллинизма — движения, поддерживающего греческую независимость — через различные средства, такие как физическое участие на поле боя, моральная или финансовая поддержка и кампании в защиту» (Kiprianos et al., 2023, p. 2).

Особое место в филэллинском движении занимает фигура лорда Байрона, который прибыл в Грецию в 1823 году и умер в Месолонгионе в 1824 году. Спиридон Трикупис посвящает байроновскому эпизоду значительное место в своей «Истории греческой революции», подчёркивая, что «великое имя этого человека, его щедрая финансовая поддержка революции в условиях полного отсутствия средств, его страдания ради любви к Греции, великие надежды, которые он, казалось, был близок к осуществлению, —

достаточно, чтобы показать, что потеряли греки и что они почувствовали при его смерти» (Trikoupis, 1860, p. 116). Байрон стал символом жертвенности и самоотверженности филэллинов, и его смерть вызвала волну сочувствия по всей Европе, способствуя дальнейшей мобилизации общественного мнения в поддержку греческого дела.

Филэллинские общества возникли во многих европейских странах, включая Германию, Швейцарию, Францию, Великобританию и даже США. Эти общества не только собирали средства, но и отправляли добровольцев, оружие, снаряжение и продовольствие. Как отмечает Трикупис, в марте 1823 года в Лондоне было окончательно учреждено «Братство друзей Греции», в которое вошли многие известные люди (Trikoupis, 1860, p. 99). Это общество «сильно помогло своим влиянием на общественное мнение, а через общественное мнение оно повлияло на министерство иностранных дел» (Trikoupis, 1860, p. 99). Филэллинизм стал первым в истории примером массового международного движения в поддержку национально-освободительной борьбы, что имело долгосрочные последствия для развития международных отношений.

Особенно активными были филэллинские комитеты в Париже, где в 1825 году был создан комитет во главе с герцогом Орлеанским и Шатобрианом. Эти комитеты направляли в Грецию военных советников, врачей, инженеров и учителей. Однако не все филэллины действовали бескорыстно — некоторые стремились использовать греческий кризис в своих политических целях, что приводило к трениям с греческим правительством. Тем не менее, филэллинское движение внесло неоценимый вклад в укрепление морального духа греков и в привлечение внимания великих держав к греческому вопросу.

Восстание в Салониках и Македонии: региональные особенности

Северная Греция, в частности Македония, также была ареной революционных событий, хотя и в меньшем масштабе, чем Пелопоннес. Как показывает Котзагеоргис, основным очагом восстания в этом регионе был полуостров Халкидики, где в мае 1821 года вспыхнуло восстание, возглавленное местными жителями (Kotzageorgis, 2023, p. 2). Османские власти реагировали с крайней жестокостью, приказывая «захватывать женщин и детей, конфисковывать имущество повстанцев и сжигать их дома» (Kotzageorgis, 2023, p. 2). Показательно, что в подавлении восстания активное участие принимали местные мусульманские сельские общины, известные как «эвлады-и-фатихан» (потомки завоевателей), которые действовали под руководством Ахмед-бея из области Янница.

Салоники выполняли роль важного административного и военного центра, через который осуществлялось снабжение и переброска войск на юг Греции. Город также являлся местом концентрации муниций и продовольствия для османской армии. Как

свидетельствуют документы, в 1824 году из Салоник были отправлены 3 000 кантаров (около 168 тонн) сухарей для нужд флота (Kotzageorgis, 2023, p. 7). Значительное внимание уделялось и обороне самого города — составлялись подробные реестры гарнизонов и вооружения крепостей. В этих реестрах фиксировалось количество солдат, орудий и боеприпасов в пяти крепостях Салоник: собственно городской цитадели, Вардарской крепости, Келемерийской башне, Топхане и Бала-кале.

Важно отметить, что османские власти активно привлекали к подавлению восстания местное мусульманское население, особенно йорюков (потомков ранних османских поселенцев), которые рассматривались как наиболее надёжная военная сила. Религиозная риторика играла ключевую роль в мобилизации — участие в войне объявлялось «священной обязанностью» и «делом веры» (Kotzageorgis, 2023, pp. 5–6). Те, кто уклонялся от службы, подвергались наказанию. В султанских указах 1823 и 1824 годов неоднократно подчёркивалось, что «это дело является священной обязанностью для всех правоверных мусульман» и что уклоняющиеся будут наказаны.

После подавления восстания в Халкидики (ноябрь 1821 года) меры безопасности в Салониках не были ослаблены. Напротив, они были усилены: в городе были введены ночные патрули, усилен гарнизон, а также ужесточён контроль за передвижением населения. В 1826 и 1827 годах, в связи с угрозой пиратских нападений греческих кораблей на македонское побережье, османские власти продолжали укреплять береговую оборону и мобилизовывать дополнительные отряды ополченцев.

Дипломатический аспект: интервенция великих держав и Наваринское сражение

Международное вмешательство стало решающим фактором в исходе Греческой революции. Озавчи детально анализирует дипломатические маневры великих держав, которые привели к подписанию Лондонского договора 6 июля 1827 года и последующему Наваринскому сражению 20 октября 1827 года (Ozavci, 2023, pp. 12–13). Согласно этому договору, Великобритания, Франция и Россия обязывались добиться установления автономной Греции под суверенитетом султана. Договор был подписан «во имя Святой и Нераздельной Троицы» и мотивировался необходимостью обеспечения морской торговли и борьбы с пиратством.

Показательно, что османские министры первоначально считали вмешательство держав невозможным. В секретном документе от 30 августа 1827 года великий визирь Мехмед Селим-паша утверждал, что державы «не имеют права вмешиваться» в греческий вопрос и что даже «если весь мир объединится», султан и его министры не согласятся на их условия (Ozavci, 2023, p. 13). Эта самоуверенность оказалась роковой — всего через два

месяца объединённый османо-египетский флот был уничтожен в Наваринской бухте. По свидетельству Трикуписа, в ходе сражения было потоплено или сожжено большое количество турецких и египетских кораблей, причём греческие брандеры сыграли здесь не последнюю роль, хотя основная заслуга принадлежала линейным кораблям союзников.

Озавчи также показывает, что внутренние противоречия между османскими военачальниками существенно ослабили имперский фронт. Соперничество между Хюсревом-пашой и Мехмедом Али Египетским, а также их сыновьями — Решидом-пашой и Ибрагимом — привело к тому, что вместо единого командования османские силы действовали разрозненно (Ozavci, 2023, p. 9). После Наваринского сражения эти противоречия только усилились, что способствовало дальнейшим поражениям Османской империи. Мехмед Али, потеряв значительную часть своего флота, начал вести переговоры с британскими и французскими агентами о выводе египетских войск из Греции, чем ещё более ослабил османскую позицию.

Адрианопольский мирный договор, подписанный в сентябре 1829 года, закрепил победу России и положил начало признанию независимости Греции. Как отмечает Озавчи, султан был вынужден уступить свои территориальные претензии на Кавказе и Балканах, а также признать Грецию как данническое государство (Ozavci, 2023, p. 14). В 1832 году греческое королевство было официально признано международным сообществом. Однако путь к этому признанию был долгим и сложным: в 1828 году Иоанн Каподистрия, первый правитель Греции, представил Нессельроде план балканской конфедерации, который предполагал переустройство всего региона после османского владычества (Kalpadakis, 2023, p. 11). Этот план, хотя и не был реализован, свидетельствует о широких геополитических замыслах греческого руководства и его видении будущего балканских народов.

Иоанн Каподистрия и его план балканской конфедерации

Иоанн Каподистрия, первый правитель независимой Греции (1827–1831), представляет собой фигуру, чья роль в революции и в послереволюционном устройстве остаётся предметом дискуссий. Георгиос Калпадакис в своей работе вводит в научный оборот две неизданные письма Каподистрии к Нессельроде от марта 1828 года, в которых излагается план создания балканской конфедерации (Kalpadakis, 2023, p. 11). Согласно этому плану, после распада Османской империи на её европейских территориях должны были быть созданы несколько автономных государств, объединённых в конфедерацию под протекторатом великих держав. Греции отводилась особая роль в этом объединении как наиболее продвинутой в культурном и политическом отношении балканской нации.

Каподистрия, имевший многолетний опыт работы на российской дипломатической

службе (он был статс-секретарём Александра I по иностранным делам), хорошо понимал международную конъюнктуру и стремился использовать российское влияние для укрепления греческой государственности. Однако его план не встретил поддержки в Петербурге: Нессельроде и Николай I предпочитали сохранять Османскую империю как ослабленное, но всё ещё существующее государство, которое можно было бы использовать для сдерживания других держав. Как отмечает Калпадакис, «на протяжении полувека, с того момента, как он оказался в руках Нессельроде, план Каподистрии оставался забытым в недрах российских государственных архивов» (Kalpadakis, 2023, p. 13).

Тем не менее, сам факт разработки такого плана свидетельствует о том, что греческая революционная элита мыслила в категориях не только национального освобождения, но и более широкого переустройства Балканского региона. Каподистрия видел в конфедерации средство предотвращения будущих конфликтов между балканскими народами и способ обеспечения долгосрочного мира и стабильности. Это видение опережало своё время и лишь частично было реализовано в XX веке после распада Османской и Австро-Венгерской империй.

Греческое восприятие революции: эволюция общественного сознания и академические дебаты

Восприятие Греческой революции в самом греческом обществе претерпело значительную эволюцию. Киприанос Панделис и его коллеги в исследовании дивергенций между академической и общественной историей показывают, что в массовом сознании доминирует героический нарратив, сформированный ещё в XIX веке и закреплённый системой образования (Kiprianos et al., 2023, p. 1). Этот нарратив акцентирует роль военных героев, таких как Теодорос Колокотронис, Маркос Боцарис и другие, и представляет революцию как спонтанное проявление воли греческой нации к свободе. Однако, как отмечают авторы, «эти контрастирующие интерпретации сосуществуют в греческом обществе, пересекаясь и влияя друг на друга в определённой степени, а иногда и сталкиваясь» (Kiprianos et al., 2023, p. 1).

Исследователи отмечают, что этот героический нарратив был усилен историческими обстоятельствами: столетняя годовщина революции в 1921 году совпала с греко-турецкой войной и катастрофой в Малой Азии, а 150-летний юбилей в 1971 году пришёлся на период военной диктатуры (Kiprianos et al., 2023, p. 3). В этих условиях власть стремилась использовать историческую память для укрепления национального единства и легитимации своего режима. Как пишут исследователи, «годы 1921 и 1971, которые ознаменовали 100-ю и 150-ю годовщины, были отмечены другими событиями, такими как греко-турецкая война

1921 года и военная диктатура 1971 года. Эти события повлияли на восприятие войны, с необходимым акцентом на героизме после поражения греческой армии в 1922 году и прибытия более 1 200 000 беженцев в Грецию» (Kiprianos et al., 2023, p. 3).

Однако академическая историография в последние десятилетия существенно отошла от этого упрощённого нарратива. Согласно анализу Киприаноса, современные исследования уделяют больше внимания таким аспектам, как международный контекст, роль идей Просвещения, организация и администрация революционного государства, а также внутренние конфликты между различными фракциями (Kiprianos et al., 2023, p. 7). «Филики Этерия», которая в старых учебниках упоминалась лишь вскользь, теперь рассматривается как ключевой организационный элемент революции. Современные историки также подчёркивают, что «революция представлена скорее как европейское событие, связанное с более широкими европейскими движениями, особенно под влиянием идеалов Просвещения» (Kiprianos et al., 2023, p. 8).

Особый интерес представляет анализ школьных учебников, проведённый Киприаносом. Сравнение учебника 1966 года с учебником 2012 года показывает значительное сокращение героического нарратива. Если в старом учебнике осада и исход Месолонгиона занимали четыре страницы, то в новом — только шесть строк (Kiprianos et al., 2023, p. 6). Одновременно возросло внимание к роли женщин, филэллинов, организации государственного управления и международному контексту. Однако, как подчёркивают авторы, эта эволюция происходит медленно и часто встречает сопротивление со стороны консервативных кругов. «В последние годы греческие учебники истории пережили двойной феномен. С одной стороны, некоторые вопросы, которые не терпят исторической критики, опускаются, а с другой стороны, книги, выходящие за определённые рамки, которые считаются неприемлемыми для части населения, сталкиваются с противодействием и изымаются из школ» (Kiprianos et al., 2023, p. 8).

Данные опросов общественного мнения, проведённых в 2007 и 2019 годах, показывают, что большинство греков по-прежнему воспринимают революцию как героическое событие, но при этом начинают признавать роль таких аспектов, как организационная подготовка и социальная мобилизация (Kiprianos et al., 2023, p. 3). Интересно, что респонденты в основном ссылаются на школьное образование как основной источник своих знаний о революции, причём высшее образование играет меньшую роль. Это указывает на сохраняющуюся важность школьных учебников в формировании исторического сознания.

Историографические перспективы и современные интерпретации

Современная историография Греческой революции характеризуется многообразием подходов и методологических перспектив. Как подчёркивают Киприанос и его коллеги, в академической среде происходит постепенный отказ от этно-романтического нарратива в пользу более критического анализа (Kiprianos et al., 2023, p. 7). Этот новый подход акцентирует внимание на социальных, экономических и культурных аспектах революции, рассматривая её не как спонтанное народное движение, а как результат длительной интеллектуальной и организационной подготовки.

Маркос Хадзопулос и Лина Луви в своём учебном курсе по греческой войне за независимость предлагают рассматривать это событие в транснациональной перспективе (Chatzopoulos & Louvi, 2018, p. 2). Особое внимание уделяется тому, как война воспринималась греками и османами, мусульманами и христианами, европейцами и не-европейцами. Такой подход позволяет преодолеть национальную ограниченность и увидеть революцию как часть более широкого европейского процесса. Среди конкретных тем, которые исследуются современными историками, следует выделить: жизнь немусульман в Османской империи, коллективные идентичности до национализма, Просвещение и революция, европейская политика конца XVIII — начала XIX века, филэллизм и гуманитарная интервенция, а также эволюция историографических подходов к Греческой революции (Chatzopoulos & Louvi, 2018, p. 3).

Важным вкладом в современную историографию является «Критический словарь греческой революции» под редакцией П. М. Китромилидиса и К. Цукаласа (Kitromilides & Tsoukalas, 2021). В этом фундаментальном труде революция рассматривается не как единое монолитное событие, а как сложный процесс, включающий множество пересекающихся факторов: идеологических, экономических, социальных, военных и дипломатических. Особое внимание уделяется гендерным аспектам революции, роли женщин в повстанческой борьбе и их участию в политической жизни. Авторы также подчёркивают, что революция была не просто борьбой греков против турок, но и гражданской войной между различными группами греческого общества — военными, политиками, интеллектуалами, торговцами.

Серьёзные изменения происходят в понимании роли религии в революции. Если ранее православие рассматривалось как объединяющий фактор, то современные исследования показывают, что религиозная идентичность была сложной и неоднозначной. Многие греческие интеллектуалы были сторонниками Просвещения и выступали за секуляризацию, в то время как другие, напротив, видели в православии основу национальной идентичности. Эта напряжённость между религиозными и светскими течениями оставалась характерной для греческого общества на протяжении всего XIX века.

Таким образом, современная историография Греческой революции представляет собой динамичное поле дискуссий, где старые нарративы переосмысливаются под влиянием новых методологических подходов и расширения источниковой базы. Особое значение приобретает использование османских архивных материалов, которые позволяют взглянуть на события с противоположной стороны и преодолеть односторонность национальных историографий.

Заключение

Греческая война за независимость (1821–1832) представляет собой сложное и многогранное историческое явление, которое может быть понято только через призму международных отношений, военно-экономических аспектов, культурных трансформаций и различных историографических интерпретаций. Анализ османского восприятия революции показывает, как онтологическая незащищённость и «имперский взгляд» привели к фатальным просчётам в османской политике и чрезмерному насилию. Военные действия, особенно в Македонии, имели разрушительные экономические последствия для местного населения, что нашло отражение в османских судебных регистрах.

Российская империя, несмотря на официальный нейтралитет, оказывала значительную гуманитарную помощь греческим беженцам, что отражало глубокую религиозную и культурную солидарность православных народов. Фигура Константиноса Икономикоса символизирует сложное переплетение греческого национального движения и российского имперского патроната. В то же время план Иоанна Каподистрии по созданию балканской конфедерации свидетельствует о том, что греческое руководство мыслило в категориях не только национального, но и регионального переустройства.

Эволюция восприятия революции в греческом обществе демонстрирует напряжённость между героическим нарративом, сформированным системой образования и государственными ритуалами, и более критическим академическим подходом, который акцентирует социальные, экономические и организационные аспекты. Это расхождение отражает более широкую проблему исторической памяти и национальной идентичности в современной Греции. Международное вмешательство великих держав, кульминацией которого стали Наваринское сражение и Адрианопольский мир, стало решающим фактором в достижении греческой независимости. Однако это вмешательство также продемонстрировало возрастающую роль великих держав в решении «Восточного вопроса» и предопределило дальнейшую историю Балканского региона.

В целом, Греческая революция представляет собой ключевой момент в формировании современного греческого государства и нации, а также важный этап в

эволюции международных отношений XIX века. Её изучение продолжает оставаться актуальным как для понимания исторических корней современных балканских конфликтов, так и для осмысления роли национальных движений в трансформации мировой политики. Как справедливо отметил Трикупис, это была «борьба, которая прославляет человечество в нашем столетии и приносит весть о конце успешной, но ещё незавершённой борьбы» (Trikoupis, 1860, p. 7). Эти слова остаются актуальными и сегодня, напоминая о непреходящем значении борьбы за свободу и независимость.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Aksan V. H. Feeding the Ottoman Troops on the Danube, 1768–1774 // *Ottomans and Europeans: Contacts and Conflicts* / Ed. by V. H. Aksan. Istanbul: Isis Press, 2004. P. 209–222.
2. Aydın H. V. 1821 Yunan İsyanı Sırasında Selanik Sancağı ve İsyanı Karşı Alınan Önlemler // *Tarih İncelemeleri Dergisi*. 2018. Cilt 33, Sayı 2. S. 303–334. DOI: 10.18513/egeitd.502661
3. Chatzipanagioti-Sangmeister Ch. I Filiki Etaireia kai o tektonismos: mystiki epikoinonia, astiki dimosiotita kai koinonikes idees // *Mediaevalia et Neohellenica*. 2021. Vol. XIV. P. 441–484.
4. Chatzopoulos M., Louvi L. The Greek War of Independence: Transnational Perspectives. Athens: Panteion University, 2018. 150 p.
5. Doxiadis E. Defining a Hellene: Legal Constructs and Sectarian Realities in the Greek War of Independence // *Open Library of Humanities*. 2022. Vol. 8(2). P. 1–16. DOI: 10.1515/opens-2022-0133
6. Ertaş M. Y. Sultanın Ordusu. Istanbul: Yeditepe Yayınevi, 2007. 450 p.
7. Frary L. 1821 – A New Dawn for Greece: The Greek Struggle for Independence // *Open Library of Humanities*. 2022. Vol. 8(1). P. 1–16. DOI: 10.1515/opens-2022-0138
8. Gerd L. Konstantinos Oikonomos and Russian Philorthodox Relief during the Greek War for Independence (1821–1829) // *Open Library of Humanities*. 2022. Vol. 8(2). P. 1–18. DOI: 10.1515/opens-2022-0134
9. Ilıcak H. Ş. A Radical Rethinking of Empire: Ottoman State and Society during the Greek War of Independence (1821–1826). Ph.D. Dissertation. Cambridge, MA: Harvard University, 2011. 350 p.
10. Kalpadakis G. I Valkaniki Synomospondia tou Ioanni Kapodistria: Dyo anekdotes epistoles pros ton Nesselrode gia ta meta-othomanika Valkania (1828). Athens: Syllogos pros Diadosin Ofelimon Vivlion, 2023. 180 p.

11. Kararanasios Ch. To pollaplo dilimma tou Neou Ellinismou prin apo tin Epanastasi // *Mediaevalia et Neohellenica*. 2021. Vol. XIV. P. 101–137.
12. Kiprianos P., Stellakis N., Karalis Th., Kasola S. Perceptions on the Greek War of Independence (1821–1828): Divergences between academic and public history // *History Education Research Journal*. 2023. Vol. 20(1). P. 1–14. DOI: 10.14324/HERJ.20.1.08
13. Kitromilides P. M., Tsoukalas C. (eds.) *The Greek Revolution: A Critical Dictionary*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2021. 784 p. DOI: 10.4159/9780674259317
14. Kolovos I. To telos tou aiona ton Fanarioton kata to 1821, symfona me ta othomanika tekmiria // *Mediaevalia et Neohellenica*. 2021. Vol. XIV. P. 139–162.
15. Kotoulas I. E. The Geopolitics of the 1821 Greek Revolution // *Open Library of Humanities*. 2022. Vol. 8(2). P. 1–16. DOI: 10.1515/opens-2022-0139
16. Kotzageorgis F. P. Salonica in the Revolutionary Conjuncture of 1821 // *New Perspectives on the Greek War of Independence: Myths, Realities, Legacies and Reflections* / Ed. by Y. Cartledge, A. Varnava. London: Palgrave Macmillan, 2023. P. 1–18.
17. Koutzakiotes G. O Rigas, o Pazvantoglou kai to epanastatiko egcheirima tou 1797 // *Mediaevalia et Neohellenica*. 2021. Vol. XIV. P. 189–216.
18. Laiou S. Othomanoi ellines saraphides stin Konstantinoupoli tou 1821 // *Mediaevalia et Neohellenica*. 2021. Vol. XIV. P. 217–238.
19. Mantouvalos I. O thanatos sta chronia tis Epanastasis mesa apo tis afigiseis tou Anton Prokesch // *Mediaevalia et Neohellenica*. 2021. Vol. XIV. P. 239–277.
20. Martens F. *Recueil des traités et conventions conclus par la Russie avec les puissances étrangères*. T. IV. St. Pétersbourg, 1878. 650 p.
21. Michaelaris P. Politiko-ekklesiastikes pieseis gia tin epistrofi Kydonieon kai Moschonision stis esties tous (1823) // *Mediaevalia et Neohellenica*. 2021. Vol. XIV. P. 279–300.
22. Obolensky D. *The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500–1453*. London: Praeger, 1971. 544 p.
23. Ozavci O. The Ottoman Imperial Gaze: The Greek Revolution of 1821–1832 and a New History of the Eastern Question // *Journal of Modern European History*. 2023. Vol. 21(1). P. 1–18. DOI: 10.1177/16118944231187456
24. Pappas N. C. *Greeks in Russian Military Service*. Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 1991. 230 p.
25. Papastamatiou D. Opseis tis oikonomias polemou stin Kentriki Makedonia kata tin periodo 1821–1830 // *Mediaevalia et Neohellenica*. 2021. Vol. XIV. P. 301–343.
26. Pissis N. “Little Malta”: Psara and the Peculiarities of Naval Warfare in the Greek

Revolution // Open Library of Humanities. 2022. Vol. 8(2). P. 1–18. DOI: 10.1515/opens-2022-0136

27. Pizanias P. To agrotiko zitima apo tis protes neoterikes epanastaseis stin Elliniki Epanastasi // *Mediaevalia et Neohellenica*. 2021. Vol. XIV. P. 345–380.

29. Sakil K. The Evolution of Ottoman Military Logistical Systems in the Later Eighteenth Century: The Rise of a New Class of Military Entrepreneur // *War, Entrepreneurs, and the State in Europe and the Mediterranean, 1300–1800* / Ed. by J. Fynn-Paul. Leiden – Boston: Brill, 2014. P. 307–327.

29. Sariyannis M. Ruler and State, State and Society in Ottoman Political Thought // *Turkish Historical Review*. 2013. Vol. 4. P. 83–117. DOI: 10.1163/18775462-00401005

30. Seirinidou V. Policing a Revolutionary Capital: Public Order and Population Control in Nafplio (1824–1826) // Open Library of Humanities. 2022. Vol. 8(2). P. 1–18. DOI: 10.1515/opens-2022-0137

31. Sfoini A. Eikones ton epanastatimenon Ellinon sta filhellenika Apomnimonevmata. Atomikes kai syllogikes symperifores (1821–1828) // *Mediaevalia et Neohellenica*. 2021. Vol. XIV. P. 411–440.

32. Taki V. Russian Military Perspectives on the Ottoman Empire during the Greek War of Independence // Open Library of Humanities. 2022. Vol. 8(2). P. 1–16. DOI: 10.1515/opens-2022-0135

33. Trikoupi S. History of the Greek Revolution. Vol. III. London, 1860. 400 p.

34. Vasdravellis I. (ed.) *Istorika archeia Makedonias. A' Archeia Thessalonikis 1695–1912*. Thessaloniki: Etaireia Makedonikon Spoudon, 1952. 320 p.

35. Vlami D. Polemos kai Epicheiriseis: oi adelphoi Mountouri kai i oikonomia tis Epanastasis stin Hydra kata ton 19o aiona // *Mediaevalia et Neohellenica*. 2021. Vol. XIV. P. 53–99.

36. Стоянович М. Балканы: история и перспективы, Балканский дипломат, М.: 2025, 336 с.

37. Stoyanovich M. Balkany: istoriya i perspektivy, Balkanskij diplomat, M.: 2025, 336 s.

REFERENCES (transliteration from Russian to English)

36. Stoyanovich M. Balkany: istoriya i perspektivy, Balkanskij diplomat, M.: 2025, 336 s.

Рецензент: Самарцева Е.И. – доктор ист. наук, проф., ученый секретарь ФГБУК «Тульский государственный музей оружия», проф. ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет».